

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 57. Is. 3. pp. 1158-1167. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.3.1158
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Natural Resource Potential of the Central Asian Outskirts Regional Development in the Plans of Russian Imperial Political Elite (second half of the 19th – early 20th centuries)

Yuliya A. Lysenko ^{a, b, c, *}

^a Altai State University, Russian Federation

^b International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^c Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the plans of the imperial political elite regarding the use of the natural resource potential of the Central Asian outskirts in the post-reform period on the basis of regulatory legal acts and office documentation. It was revealed that the political leadership of Russia was faced with the need to revise the traditional principles of imperial politics related to the satisfaction of exclusively geopolitical interests by the 60s 19th century. Increasing the profitability of regional economies was recognized as more rational. In the context of the multinationality of the country, the civilizational and socio-economic asymmetry of ethnoregions, the transition to solving internal problems aimed at integrating and unifying the imperial space. The state followed the path of using exclusively land spaces during the period of modernization and the creation of grain and cotton farms, while having an objective idea of the natural resource potential of the Steppe Territory and Turkestan, a significant number of copper, oil, gold and coal deposits.

An obstacle to the full-scale industrialization of the Central Asian outskirts was a number of circumstances: the frontier of the territory and, as a consequence, the dilemma of the central and regional authorities regarding the priority of external expansion or internal development; a difficult ethno-confessional situation associated with the "Islamic factor" and the possibility of threats to Russia's presence in the region; artificial containment by imperial circles of modernization processes to prevent the growth of national ideologies; lack of financial opportunities for the state and entrepreneurs for active investment.

Keywords: Russian Empire, Steppe Territory, Turkestan, frontier, region, modernization, industry, agricultural production, resettlement.

1. Введение

В 60–70 гг. XIX в. в Российской империи начался очередной этап реформ, нацеленный на преодоление отставания от европейских держав в социально-экономическом развитии. Преобразования осуществлялись в условиях господства архаичной системы землевладения, принудительного труда и низкого уровня развития производительных сил в сельском хозяйстве (Гершенкрон, 2004: 420-447). Это исключало возможность эволюционного формирования необходимых условий модернизации и предопределило неизбежность осуществления реформ верховной властью (Сенявский, 2008; Лапина, Лелюхина, 2001: 219, 220-221). Центральной проблемой пореформенного периода являлся «аграрный вопрос». Параллельно осуществляя задачи промышленной и аграрной (отмена крепостного права) революций, государство было вынуждено решать проблему землеустройства сельского населения. В 80–90-е гг. XIX в. оно возложило на себя функции по организации и регулированию миграционных потоков крестьян в Азиатскую Россию.

* Corresponding author

E-mail addresses: iulia_199674@mail.ru (Yu.A. Lysenko)

Центральноазиатские окраины России, завершение присоединения которых в состав империи совпало по времени с началом модернизации Александра II, объективно подключались к общегосударственным процессам. Регион значительно отличался по структуре экономического производства. В Степном крае, в условиях аридной зоны у коренного казахского населения преобладало кочевое скотоводство с присущими ему архаическими признаками. В оазисах Туркестанского генерал-губернаторства оседлое население занималось экстенсивным поливным земледелием, обеспечивая исключительно внутренний региональный рынок (Масанов, 1984: 123; Центральная Азия..., 2008: 145).

Восприятие экономики центральноазиатских окраин России имперской политической элитой как архаической оказывало существенное влияние на оценку, подходы и конкретное содержание планов регионального развития. С началом реформ 60–70 гг. XIX в. демографические ресурсы Степного края и Туркестана стали рассматриваться как основной региональный субъект налоговой политики государства (Lysenko, 2020: 709–720). Активно стали обсуждаться вопросы введения в экономический оборот природных богатств Центральной Азии, прежде всего земельных. Оценка властными структурами их потенциала, стратегий использования представляет значительный научный интерес и позволит существенно расширить знания об имперском измерении истории России.

2. Материалы и методы

Материалами исследования выступили документы делопроизводства властных структур Российской империи – всеподданнейшие отчеты генерал-губернаторов и военных губернаторов областей Степного и Туркестанского генерал-губернаторств, их переписка с центральными правительственными учреждениями и т.д. Данный тип источников позволяет проследить дискуссию центральных и региональных органов власти о перспективах экономического развития центральноазиатских окраин в пореформенный период, выявить факторы, оказывавшие влияние на принятие тех или иных решений. Основной массив делопроизводственной документации отложился в Российском государственном историческом архиве.

Для анализа оценок российской политической элитой ресурсной базы центральноазиатских окраин и перспектив ее освоения применяется пространственно-региональный подход, предложенный И.В. Побережниковым. Как отмечает исследователь, в исторических условиях той эпохи на модернизационную динамику в Российской империи второй половины XIX – начала XX вв. колоссальное влияние оказывал ряд факторов: пограничное расположение между Востоком и Западом, огромная территория, разнообразие природных условий, сложный исторический характер формирования странового пространства и т.д. Все это оказывало существенное влияние на цивилизационную специфику, внутренний строй империи и определяло особенности развития отдельных регионов. Поэтому при анализе процессов модернизации И.В. Побережников предлагает не ограничиваться использованием национально-странового уровня (когда страна выступает в качестве основной аналитической единицы), но и активно применять пространственно-региональный уровень (Побережников, 2006).

Степной край и Туркестан в рамках пространственно-регионального уровня модернизации предлагается рассматривать как особый фронтальный регион с характерным для него цивилизационным ландшафтом. Последний определялся геополитическим положением центральноазиатских окраин, историческим наследием, уровнем развития производительных сил. Это делало неизбежной реализацию автономного регионального проекта преобразований, определившего специфику протекания модернизационных процессов (Побережников, 2011: 47–62). При подготовке статьи использовались историко-генетический и историко-сравнительный методы.

3. Обсуждение

В отечественном имперском дискурсе проблема осмысления исторического опыта модернизации центральноазиатских окраин Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв., выявления акторов и субъектов данного процесса, его последствий и значения для интеграции этнорегиона в общеимперское пространство является одной из центральных. В 20–80 гг. XX в. широкий спектр экономических реформ в Степном и Туркестанском генерал-губернаторствах оценивался советскими историками как политика, направленная на превращение региона в колонию Российской империи (Лаврентьев, 1930: 9–10; Вяткин, 1974). В то же время ими отмечалась «реакционность экономической политики самодержавного правительства» в Степном крае и Туркестане, проявлявшуюся в сдерживании процесса создания промышленного сектора экономики. В результате целенаправленно регион превращался в аграрно-сырьевой придаток Российской империи, что выразилось, по мнению советской историографии, в приоритетном развитии зерновых переселенческих хозяйств в Степном крае и хлопководческих – в Туркестане (Аминов, 1959; Суворов, 1962; Галузо, 1965; Фридман, 1960).

В новейшей отечественной империологии российская модернизация второй половины XIX – начала XX вв. оценивается как попытка социокультурной, экономико-финансовой централизации

империи, сглаживания региональной асимметрии и в конечном итоге создания «единой и неделимой России» (Правилова, 2006). В отношении Степного края и Туркестана Д.Ю. Арапов и ряд других исследователей отмечают, что политика России в пореформенный период позволила «вывести регион из состояния глубокого экономического и общественного застоя, создала здесь важнейшие компоненты инфраструктуры, организовала систему научного исследования материальных ресурсов края и культуры среднеазиатских народов» (Мусульманская средняя Азия..., 2004: 8). Имперская аграрная политика и крестьянское переселение в центральноазиатские окраины оценивается российскими учеными как важный цивилизационный аспект их интеграции в общеимперское пространство (Чуркин, Токмурзаев, 2015: 196-207).

В зарубежной империологии отмечается, что для революционного преобразования традиционных производительных сил в Степном крае и Туркестане у Российской империи не хватало финансовых возможностей. Этим объясняется ее невмешательство в существовавшие здесь производственные отношения и приоритетность ее политики в направлении «замирения» региона и фиска (Morrison, 2011: 292). В современной центральноазиатской историографии экономическая политика Российской империи в Степном крае и Туркестане расценивается как «национальная трагедия», повлекшая превращение региона в колониально-сырьевой придаток метрополии. Столь разная оценочная палитра мнений о судьбе центральноазиатских окраин делает актуальным анализ взглядов российской политической элиты на природно-ресурсный потенциал региона в контексте перспектив его экономического развития в пореформенный период.

4. Результаты

Изучение Россией природно-ресурсного потенциала Степного края и Туркестана осуществлялось с момента присоединения их к Российской империи. Уже в 1734 г. была учреждена Оренбургская пограничная экспедиция, в задачи которой, помимо военно-политического закрепления в Казахской степи, ставился поиск месторождений полезных ископаемых. В составе дипломатических миссий России в Казахскую степь в 40–50-х гг. XVIII в.¹ всегда находились геодезисты и топографы, призванные составлять физико-географические карты степи и исследовать ее земельные ресурсы (Моисеев, 1991). Значительный вклад в изучение природно-ресурсного потенциала Центральной Азии внесли Первая (1733–1743 гг.) и Вторая (1768–1774 гг.) академические экспедиции. Они носили комплексный характер и, наряду с изучением природных ресурсов и биоразнообразия, были посвящены исследованию истории и этнографии коренных народов региона. (Shayakhmetov et al., 2019: 1439-1450).

Отдельные рекогносцировки полезных ископаемых степной зоны Урало-Иртышского междуречья, производившиеся в XVIII в., были неудачны. Только в первой половине XIX в. разведка месторождения полезных ископаемых приняла массовый и профессиональный характер. На карте Центрально-Азиатского региона появились месторождения полиметаллических руд, каменного угля и золота. По данным П. Красовского, к концу 50-х гг. XIX в. в Степном крае велась разработка на 24 золотых, 44 серебро-свинцово-медных, 106 медных и 4 железорудных приисках (Красовский, 1868: 498).

Таким образом, к началу пореформенного периода и завершению присоединения Степного края и Туркестана к Российской империи правящие круги имели достаточно объективное представление о природных ресурсах края. Его полезные ископаемые открывали возможности для формирования отдельного промышленного анклава, тем более что успешный опыт в данном направлении демонстрировали Урал и юг Западной Сибири, Алтай, где на протяжении XVIII – первой половины XIX вв. активно развивалась крупная заводская промышленность. Но правительство не стремилось использовать имевшиеся возможности.

Во многом ситуация объяснялась фронтирностью региона с присущим ему так называемым «освоенческим синдромом». Как известно, важным признаком фронтирности является ярко выраженная милитаризация (Побережников, 2011: 56). В степных областях в XVIII – первой половине XIX вв. она проявилась в повсеместном строительстве укрепленных линий, формировании регулярных и иррегулярных воинских частей (Уральское, Оренбургское, Сибирское и Семиреченское казачьи войска). Не менее важным признаком фронтирности Центрально-Азиатского региона выступала нестабильная региональная геополитическая ситуация, связанная с перманентным выдвиганием границ Российской империи в глубь Туркестана за счет аннексии территорий Кокандского и Хивинского ханств, Бухарского эмирата. Ситуацию усугубляло российско-британское соперничество за влияние на Среднем Востоке.

Поэтому экономический фактор не мог являться определяющим в политике Российской империи в центральноазиатских окраинах. Их колонизация не могла проводиться ускоренными

¹ В 1740–1742 гг. в Казахскую степь было направлено посольство Д. Гладышева и И. Муравина, которое проследовало от Оренбурга до Хивы через Сыр-Дарью и Аральское море. В 1742–1743 гг. состоялось посольство К. Миллера в пределы Джунгарского ханства. Маршрут экспедиции проходил через Казахскую степь, Семиречье и Сары-су. В 1745 г. в Средний жуз выехала дипломатическая миссия Р. Уразина, несколькими годами спустя – посольство Л.Д. Угримова.

темпами и оказалась сильно растянутой по времени, поэтому до середины XIX в. регион оставался слабо заселен «русским элементом». Практика административного переселения крестьян первой половины XIX столетия решала исключительно задачи стратегического плана: развитие земледелия было связано с необходимостью продовольственного обеспечения региональных вооруженных сил Российской империи и пополнения военного сословия за счет крестьян-переселенцев. Переселявшиеся крестьяне, как правило, зачислялись в казачье сословие Сибирского, а позднее Семиреченского казачьих войск, но воинской службы не несли (Токмурзаев, 2015: 6).

Завершение присоединения Центральной Азии в состав Российской империи в 60–70 гг. XIX в. и последовавшие реформы ускорили создание административной морфологии региона и его интеграцию в общеимперское политико-правовое и социально-экономическое пространство. На фоне этих процессов в стране развернулся общественно-политический дискурс о целях имперской политики, приоритетности внешней экспансии или внутреннего развития. Он основывался на понимании, что «имперские амбиции» – приобретение новых, в том числе центральноазиатских территорий и контроль над ними – слишком дорого обходятся казне. Так, в 1880 г. из общей суммы государственных расходов на содержание Туркестанского генерал-губернаторства в 13505951,28 руб. войскам Туркестанского военного округа было выделено 9799826,9 руб. (т.е. около 80 %!), в 1895 г. – 10619018,85 руб. и 7455130,49 руб. соответственно (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 179. Л. 11-14 об.).

Новые политические и экономические реалии, складывавшиеся в Российской империи в пореформенный период, вызывали необходимость изменения концептуальных подходов к региональной политике. Как отмечает Е. Правилова, «социальное и экономическое развитие «ядра» – внутренних российских губерний – требовало значительных инвестиций. Геополитическое могущество империи, часто выражавшееся в квадратных верстах, контрастировало с разреженностью власти и недостатком ресурсов во «внутренней» России, ее социальной и экономической отсталостью» (Правилова, 2006: 4). Выход из сложившейся ситуации виделся в институциональной организации экономического управления, повышении экономической рентабельности регионов и рациональном выстраивании их бюджетов.

Дискуссия между Военным министерством, МВД, Министерством промышленности и торговли о приоритетности имперской политики завершилась поворотом в сторону более эффективного использования природных ресурсов центральноазиатских окраин Российской империи. При этом, несмотря на наличие богатейших месторождений полезных ископаемых в Степном крае и Туркестане, правящие круги сделали ставку на аграрное освоение огромных земельных ресурсов региона. Это нашло отражение в наращивании с 80-х гг. XIX в. темпов крестьянской колонизации центральноазиатских окраин, регулировании и стимулировании государством на законодательном уровне данного процесса (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 179. Л. 17 об.-24 об.).

Выбор аграрной колонизации Степного края и позже Туркестана как основной движущей силы регионального экономического развития не являлся случайным. К этому периоду Россия оформилась как полиэтничное и поликонфессиональное государство с ярко выраженной асимметрией экономического и социального развития территорий. Как известно, Царство Польское, Финляндия демонстрировали достаточно высокие темпы экономического развития по сравнению с центральными губерниями, и тем более Азиатской Россией. Это давало основания для их соперничества с политическим центром страны, роста националистических концепций, идеологий экономического национализма и регионализма (Капеллер, 2000: 176).

Кризис русско-польских отношений, рост украинофильства и сепаратистских настроений на западных окраинах России ставил на повестку дня вопрос о территориальной целостности империи. «На этой основе, – как отмечает Б.С. Токмурзаев, – формировалось мнение, что именно Сибирь может выступить своеобразным «полигоном», в системе координат которого преодоление локальных этнографических особенностей, а также сословных различий откроет возможности для успешной реализации проекта создания единой нации и единого российского гражданства» (Токмурзаев, 2015: 7). Русскому крестьянину-переселенцу, на генетическом уровне способному к колонизации, была отведена роль не только аграрно-экономического покорителя огромных пространств Сибири и Степного края, но и миссия культуртрегера – носителя и распространителя идеологии российского православия, призванного цивилизовать и привести к оседлому состоянию и христианству коренные народы региона.

В 60-е гг. XIX дискуссия центральных и региональных властных структур о перспективах аграрной колонизации Степного края и Туркестана сводилась к пониманию необходимости юридического обоснования изъятия земель у коренных народов в Переселенческий фонд для землеустройства крестьян-переселенцев. Поэтому, как известно, по Временным положениям об управлении Туркестанским (1867 г.), Оренбургским и Западно-Сибирским генерал-губернаторствами (1868 г.) все природные и земельные ресурсы Центрально-Азиатского региона были объявлены собственностью государства. Кочевникам-казахам пастбища передавались в общинное пользование, причем государству предоставлялось право изымать «лишние» пастбищные угодья у скотоводов. Таким образом, верховная власть создала юридический механизм для массовой экспроприации земель у коренного казахского населения (Лысенко, 2019: 48-49).

Региональные органы власти первоначально поддерживали идею аграрной колонизации Степного края. Однако на рубеже XIX–XX вв. они стали выступать за сокращение крестьянской миграции в регион, главным образом, из-за ограниченности земельных ресурсов, пригодных для занятия земледелием. В ходе Частного совещания, состоявшегося в мае 1907 г. при степном генерал-губернаторе И.П. Надарове, представители региональной власти поддерживали уполномоченных от казахов в вопросе о необходимости прекращения крестьянского переселения в регион и признали неправомочными многочисленные факты земельных изъятий у кочевников без учета их потребностей в землепользовании (*Труды Частного совещания...*, 1908). В то же время следует отметить, что данная позиция региональной власти объяснялась не столько желанием защитить экономические интересы коренного населения, сколько опасением роста межэтнической напряженности между русскими и казахами, связанной с перераспределением земельных ресурсов. Канцелярия степного генерал-губернатора была буквально «завалена» многочисленными жалобами казахского населения о незаконных изъятиях у них земель, что и послужило поводом для созыва упомянутого выше Частного совещания.

Иная ситуация складывалась с землепользованием в Туркестане. По Положению об управлении Туркестанским краем 1886 г. за коренным оседлым населением признавалось право пользования землей и право ее наследования. Таким образом, политические круги не решились пойти по пути признания за государством юридических прав на землю. Состоявшееся в 80–90 гг. XIX в. землеустройство дехкан привело к тому, что все земли, пригодные для земледелия, оказались распределены между ними.

Проблема юридической нерешенности вопроса о земле и формах владения землей коренным населением выступала серьезным препятствием для решения как геополитических, так и экономических задач. Отсутствие правового механизма изъятия земель у дехкан сдерживало освоение региона «русским элементом». Вплоть до начала XX в. Туркестан официально был закрыт для крестьянского переселения. Кроме этого, отсутствие свободной земли сдерживало развитие крупного частного хлопководческого хозяйства (*Вяткин, 1974: 26-27*).

Тем не менее ни у региональных, ни у центральных органов государственной власти не было четкого плана решения проблемы. Большинство предлагаемых на рубеже XIX–XX вв. проектов не вносило конструктивизма, однако всем было очевидно, что решение проблемы видится только в развитии ирригационного дела в регионе (*РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 50. Л. 148*). После поездки в 1912 г. по областям Туркестана главного управляющего землеустройством и земледелием А.В. Кривошеина началось строительство нескольких оросительных каналов. Это позволило в начале XX в. значительно расширить посевы хлопка сырца, снизив тем самым зависимость российской текстильной промышленности от поставок американского хлопка.

Приоритет в аграрном развитии центральноазиатских окраин обусловил появление юридических сдержек на пути формирования промышленных отраслей производства. Так, Положение 1886 г. ограничивало возможность приобретения недвижимости, прежде всего земли, в Туркестане иностранным подданным и всем нехристианам. Это выступало препятствием к разработке месторождений полезных ископаемых и строительству промышленных объектов в регионе. Ставка была сделана на развитие предприятий, занимавшихся переработкой сельскохозяйственной продукции; промышленные производства, например нефтеперерабатывающие заводы или ткацкие фабрики, в регионе не создавались. Таким образом, можно согласиться с мнением ряда исследователей, подчеркивавшего, что политические круги России стремились к ограничению частной земельной собственности и сохранению за Центрально-Азиатским регионом статуса аграрной окраины, населенной истинно «русскими людьми» (*Вяткин, 1974: 129-130*).

В то же время нельзя не отметить, что, делая ставку на аграрное развитие региона, государственные органы всячески стремились диверсифицировать его экономику за счет освоения других природных ресурсов. На протяжении пореформенного периода продолжалась активная геологоразведывательная работа. С 1855 по 1894 гг. в Семипалатинской области Степного края было открыто 456 рудных месторождений меди, свинца и цинка, каменного угля, в Акмолинской области – 106 месторождений (*Бекмаханов, 1964: 164-165*). В Туркестане активные геологические изыскания подтвердили возможность промышленной добычи нефти, к началу Первой мировой войны на долю которой приходилось около 10 % российской нефтедобычи (*Шайдулов, Лысенко, 2020: 115-129*). Такое положение вполне отвечало геополитическому императиву российской модернизации, коренящемуся в «недостаточной зрелости экономических и культурных предпосылок масштабной модернизации». Последние компенсировались опорой государственных программ модернизации на использование естественных природных богатств, вовлечение в хозяйственный оборот новых прогрессивных видов ресурсов, как правило за счет создания новых территориальных ресурсных баз (*Зубков, 2011: 38*).

Государство осуществляло тщательный контроль за эксплуатацией природных ресурсов центральноазиатских окраин. Для этого здесь был сформирован ряд региональных комитетов Министерства земледелия и государственных имуществ, Министерства промышленности и торговли. По Туркестанскому положению 1886 г. и Степному положению 1891 г. в ведении генерал-

губернаторов находились все земельные ресурсы, «дико растущие леса и заросли», водные системы, оброчные статьи, рыбные промыслы. В структуре областных и губернских правлений состояли чиновники особых поручений по сельскому хозяйству, по лесной части, по горной части, в Туркестане с 1891 г. – по ирригации (РГИА. Ф. 1393. Оп. 1. Д. 428. Л. 34-35 об.).

Слабое инвестирование в промышленный сектор экономики Степного края и Туркестана мотивировано рядом факторов. Как указывалось выше, при отсутствии необходимых предпосылок модернизации и ее догоняющем характере Россия не имела финансовых возможностей для активного вложения в региональное экономическое развитие. Еще в советской историографии отмечалась зависимость экономики страны от иностранного капитала. В коммерческих кампаниях, созданных в Степном крае и Туркестане для разработки месторождений полезных ископаемых, преобладали иностранные инвесторы (Фридман, 1960). Кроме этого, на протяжении всего пореформенного периода Центрально-Азиатский регион сохранял признаки фронтирности. Так, вплоть до конца правления династии Романовых в административной системе управления Степным краем и Туркестаном сохранялась должность генерал-губернатора, который был наделен неограниченными полномочиями, в значительной степени опирался на личное доверие императора и «в определенном смысле возвышался над существовавшей чиновничьей иерархией» (Ремнев, 2001: 200-212).

Генерал-губернаторы Степного края и Туркестана являлись верховными главнокомандующими всех вооруженных сил в регионе, что подтверждало приверженность политического центра страны геополитическим приоритетам в регионе и, как следствие, курсу на сохранение системы военно-гражданского управления им. Милитаризация существенно влияла на социально-экономическое региональное развитие. В структуре бюджетирования на военные расходы по-прежнему отводилось до 60%. Как отмечает И. Бочкарева, даже развитие «железнодорожного строительства, его темпы, характер финансирования, маршруты дорог – было обусловлено приоритетами политики России в регионе, среди которых военно-стратегические соображения явно доминировали над экономическим развитием»¹. И только построив Закаспийскую, а затем Ташкентскую железные дороги, государство стало использовать железнодорожную сеть «для развития хлопководческой отрасли региона, его превращения в базу хлопководства для нужд российской промышленности» (Бочкарева, 2019: 33-38).

В принятии имперским центром во второй половине XIX – начале XX вв. тех или иных решений, связанных с преобразованиями традиционной системы социокультурных или экономических отношений центральноазиатских окраин всегда учитывался этноконфессиональный фактор. Национально-культурная неоднородность Степного края и Туркестана, преобладание мусульманского населения, близость исламских идеологических центров – Бухарского эмирата и Хивинского ханства, а также пограничье с Сибирью и его бесконечными мусульманскими восстаниями делали их малопривлекательными для российского бизнеса. Только выравнивание этнорелигиозной ситуации в регионе за счет крестьянской аграрной колонизации и увеличения численности русского православного населения могло снять проблему безопасности и устранить у политических кругов ощущение его фронтирности и «далекой национальной окраины».

Необходимо так же отметить, что политическая элита России осознавала асимметричность социально-экономического развития национальных регионов. На пути их выравнивания объективно происходило формирование национальных и региональных экономических сообществ (национальной буржуазии, интеллигенции), которые выступали с собственными проектами развития региона, часто не совпадавшими с планами центра. Как только окраина начинала проявлять признаки роста, одновременно возникали и признаки центробежных тенденций (Правилова, 2006: 4-6). Это противоречило концепции модернизации рубежа XIX–XX вв., направленной на интеграцию российского социума и создание российской нации. Искусственно сдерживая экономическое развитие Степного края и Туркестана, поддерживая архаичность их экономики, империя устраняла угрозу распада страны.

5. Заключение

Таким образом, в пореформенный период политическое руководство России оказалось перед необходимостью пересмотра традиционных принципов имперской политики, связанных с удовлетворением исключительно геополитических интересов. В условиях многонациональности страны, цивилизационной и социально-экономической асимметричности этнорегионов более рациональным признавался переход к решению внутренних задач, направленных на интеграцию и унификацию имперского пространства, повышение экономической рентабельности региональных экономик.

¹ При финансовой поддержке государства в 70–80-е гг. XIX в. в регионе была проложена первая Оренбургская железная дорога, связавшая Тургайскую область и Оренбург с Центральной Россией. В 1891–1893 гг. началось строительство линии Покровская слобода – Уральск, в 1897 г. – линии Урбах – Астрахань. В этот же период была введена в эксплуатацию Закаспийская железная дорога, а в начале XX в. – Транссибирская магистраль и Оренбургско-Ташкентская железная дорога.

Восприятие экономики центральноазиатских окраин России имперской политической элитой как архаической оказывало существенное влияние на оценку, подходы и конкретное содержание планов регионального развития. Степной край и Туркестан в силу особенностей цивилизационного развития и связанного с ним низкого развития производительных сил в пореформенный период выступили как регионы, экономика которых оказалась нацеленной на использование исключительно земельных ресурсов и создание зерновых и хлопководческих хозяйств.

Тем не менее, государство прилагало значительные усилия к изучению месторождений полезных ископаемых центральноазиатских окраин, вводу в эксплуатацию некоторых из них. В результате экономика региона стала диверсифицированной, получили развитие новые отрасли добывающей и перерабатывающей промышленности. Препятствием на пути полномасштабной индустриализации Степного края и Туркестана выступал ряд обстоятельств: фронтирность территории и, как следствие, дилемма центральных и региональных органов власти в вопросе о приоритетности внешней экспансии или внутреннего развития; сложная этноконфессиональная ситуация, связанная с «исламским фактором» и возможностью угроз присутствию России в регионе; искусственное сдерживание имперскими кругами модернизационных процессов для предотвращения роста национальных идеологий; отсутствие у государства и предпринимателей финансовых возможностей для активного инвестирования.

Литература

- Аминов, 1959** – Аминов А.М. Экономическое развитие Средней Азии. Ташкент, 1959. 298 с.
- Бекмаханов, 1964** – Бекмаханов Е.Б. Цветная металлургия и горное дело дореволюционного Казахстана. Алма-Ата, 1964. 378 с.
- Бочкарева, 2019** – Бочкарева И.Б. Железнодорожное строительство в стратегии Российской империи по освоению Туркестана // *Известия Алтайского государственного университета*. 2019. № 5 (109). С. 33-38.
- Галузо, 1965** – Галузо П.Г. Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867–1914 гг. Алма-Ата, 1965. 344 с.
- Гершенкрон, 2015** – Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе. М., 2015. 534 с.
- Вяткин, 1974** – Вяткин М.П. Социально-экономическое развитие Средней Азии. Историко-географический очерк. Фрунзе, 1974. 262 с.
- Зубков, 2011** – Зубков К.И. Геополитическая арена российской модернизации XVIII–XX вв. // Модернизация в цивилизационном контексте: российский опыт перехода от традиционного к современному обществу. Екатеринбург, 2011. С. 29-47.
- Каппелер, 2000** – Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 2000. 342 с.
- Красовский, 1868** – Красовский П.Н. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Область сибирских киргизов. Часть 2. СПб., 1868. 498 с.
- Лаврентьев, 1930** – Лаврентьев В. Капитализм в Туркестане. М., 1930. 160 с.
- Лапина, Лелюхина, 2001** – Лапина С.Н., Лелюхина Н.Д. Государственная собственность России: некоторые исторические уроки // *Собственность в XX столетии: К 80-летию акад. В.А. Виноградова*. М., 2001. С. 216-233.
- Лысенко, 2019** – Лысенко Ю.А. Акторы социально-экономической модернизации Центрально-Азиатского региона Российской империи (вторая половина XIX – начало XX вв.) / *Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII–XIX вв.: Сборник научных трудов международного семинара*. Алма-Ата, 2019. С. 40-57.
- Масанов, 1984** – Масанов Н.Э. Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII–XIX веков. Алма-Ата, 1984. 176 с.
- Моисеев, 1991** – Моисеев В.А. Джунгарское ханство и казахи. XVII–XVIII вв. Алма-Ата, 1991. 238 с.
- Мусульманская Средняя Азия..., 2004** – Мусульманская Средняя Азия. Традиционализм и XX век. М., 2004. 281 с.
- Побережников, 2006** – Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М., 2006. 237 с.
- Побережников, 2011** – Побережников И.В. Фронтирная модернизация в контексте российской цивилизации // *Модернизация в цивилизационном контексте: российский опыт перехода от традиционного к современному обществу*. Екатеринбург, 2011. С. 47-62.
- Правилова, 2006** – Правилова Е.А. Финансы империи: деньги и власть в политике России на нац. окраинах, 1801–1917. М., 2006. 453 с.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Ремнев, 2001** – Ремнев А.В. Генерал-губернаторская власть в XIX столетии. К проблеме организации регионального управления Российской империи // *Эволюция административного устройства и управления в России: историческая ретроспектива и современность*. Екатеринбург. 2001. С. 200-212.

Сенявский, 2008 – *Сенявский А.С.* Российский исторический процесс во второй половине XIX–XX вв.: проблемы концептуального осмысления // *Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития.* Екатеринбург, 2008. С. 594–602.

Суворов, 1962 – *Суворов В.А.* Историко-экономический очерк развития Туркестана. Ташкент, 1962. 172 с.

Токмурзаев, 2015 – *Токмурзаев Б.С.* Аграрная колонизация Степного края в контексте государственной переселенческой политики второй половины XIX – начала XX вв. // *Вестник Томского государственного университета.* 2015. № 1(33). С. 5–8.

Труды Частного совещания..., 1908 – Труды Частного совещания, созванного 20 мая 1907 года степным генерал-губернатором по вопросам о нуждах киргизов Степного края. Омск, 1908. 93 с.

Фридман, 1960 – *Фридман Ц.Я.* Иностраный капитал в дореволюционном Казахстане. Алма-Ата, 1960. 144 с.

Центральная Азия..., 2008 – Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. 451 с.

Чуркин, Токмурзаев, 2015 – *Чуркин М.К., Токмурзаев Б.С.* Перспективы аграрного освоения территорий степного края в колонизационных планах российской власти во второй половине XIX – начале XX вв. // *Вестник Томского государственного университета.* 2015. № 401. С. 196–207.

Шайдулов, Лысенко, 2020 – *Шайдулов В.Н., Лысенко Ю.А.* Нефть Ферганы: из истории новой отрасли в конце XIX – начале XX в. // *Вопросы истории.* 2020. № 6. С. 115–129.

Lysenko, 2020 – *Lysenko Yu. A.* Taxation System of the Indigenous Population of the Central Asian Suburbs of the Russian Empire and the Problem of Profitability of the Region (70 years of the XIX – early XX century) // *Bylye Gody.* 2020. Vol. 56. Is. 2. Pp. 709–720.

Morrison, 2011 – *Morrison A.S.* Russian Rule in Samarkand 1868–1910. A Comparison with British India. N.Y., 2011. 292 p.

Shayakhmetov et al., 2019 – *Shayakhmetov Nurbek U., Mominova Gulnar T., Omirbekova Janagul M., Maibalaeva Aizhan A.* Kazakh Steppe as a Historical Geographic Phenomenon in the Works of Russian Scientists of the XVIII century // *Bylye Gody.* 2019 Vol. 54. Is. 4. pp. 1439–1450.

References

Aminov, 1959 – *Aminov A.M.* (1959). Ekonomicheskoe razvitie Srednej Azii. [Economic development of Central Asia]. Tashkent. P. 298. [in Russian]

Bekmahanov, 1964 – *Bekmahanov E.B.* (1964). Cvetnaya metallurgiya i gornoe delo dorevolucionnogo Kazakhstana. [Non-ferrous metallurgy and mining of pre-revolutionary Kazakhstan]. Alma-Ata. P. 378. [in Russian]

Bochkareva, 2019 – *Bochkareva I.B.* (2019). Zheleznodorozhnoe stroitel'stvo v strategii Rossijskoj imperii po osvoeniyu Turkestana. [Railway construction in the strategy of the Russian Empire for the development of Turkestan]. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta.* № 5(109). Pp. 33–38. [in Russian]

Central'naya Aziya ..., 2008 – Central'naya Aziya v sostave Rossijskoj imperii. [Central Asia within the Russian Empire]. Moscow, 2008. P. 451. [in Russian]

Churkin, Tokmurzaev, 2015 – *Churkin M.K., Tokmurzaev B.S.* (2015). Perspektivy agrarnogo osvoeniya territorij stepnogo kraja v kolonizacionnyh planah rossijskoj vlasti vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. [Prospects for the agrarian development of the territories of the steppe region in the colonization plans of the Russian government in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta.* № 401. Pp. 196–207. [in Russian]

Fridman, 1960 – *Fridman C.Ya.* (1960). Inostrannyj kapital v dorevolucionnom Kazakhstane [Foreign capital in pre-revolutionary Kazakhstan]. Alma-Ata. P. 144. [in Russian]

Galuzo, 1965 – *Galuzo P.G.* (1965). Agrarnye otnosheniya na yuge Kazakhstana v 1867–1914 gg. [Agrarian relations in the south of Kazakhstan in 1867–1914]. Alma-Ata. P. 344. [in Russian]

Gershenkron, 2015 – *Gershenkron A.* (2015). Ekonomicheskaya otstalost' v istoricheskoy perspektive. [Economic backwardness in historical perspective]. Moscow. P. 534. [in Russian]

Kappeler, 2000 – *Kappeler A.* (2000). Rossiya – mnogonacional'naya imperiya. [Russia is a multinational empire. Occurrence. History. Decay]. Vozniknovenie. Istoriya. Raspad. Moscow. P. 342. [in Russian]

Krasovskij, 1868 – *Krasovskij P.N.* (1868). Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami General'nogo shtaba. Oblast' sibirskih kirgizov. [Materials for geography and statistics of Russia, collected by officers of the General Staff. Region of Siberian Kirghiz]. Chast' 2. Sant-Peterburg. P. 498. [in Russian]

Lapina, Lelyuhina, 2001 – *Lapina S.N., Lelyuhina N.D.* (2001). Gosudarstvennaya sobstvennost' Rossii: nekotorye istoricheskie uroki. [State Property of Russia: Some Historical Lessons]. *Sobstvennost' v XX stoletii: K 80-letiyu akad. V. A. Vinogradova.* Moscow. Pp. 216–233. [in Russian]

Laurent'ev, 1930 – *Laurent'ev V.* (1930). Kapitalizm v Turkestane. [Capitalism in Turkestan]. Moscow. P. 160. [in Russian]

Lysenko, 2019 – *Lysenko Yu.A.* (2019). Aktory social'no-ekonomicheskoy modernizacii central'no-aziatskogo regiona Rossijskoj imperii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.). [Actors of the socio-economic modernization of the Central Asian region of the Russian Empire (second half of the 19th – early 20th centuries)]. *Central'naya Aziya na perekrestke evropejskih i aziatskih politicheskikh interesov: XVIII–XIX vv.: Sbornik nauchnyh trudov mezhdunarodnogo seminaru.* Alma-Ata, 2019. Pp. 40-57. [in Russian]

Lysenko, 2020 – *Lysenko Yu.A.* (2020). Taxation System of the Indigenous Population of the Central Asian Suburbs of the Russian Empire and the Problem of Profitability of the Region (70 years of the XIX – early XX century). *Bylye Gody.* Vol. 56. Is. 2. Pp. 709-720.

Masanov, 1984 – *Masanov N.E.* (1984). Problemy social'no-ekonomicheskoy istorii Kazakhstana na rubezhe XVIII–XIX vekov. [Problems of the socio-economic history of Kazakhstan at the turn of the XVIII–XIX centuries]. Alma-Ata. P. 176. [in Russian]

Moiseev, 1991 – *Moiseev V.A.* (1991). Dzhungarskoe hanstvo i kazahi. XVII–XVIII v. [Dzungar Khanate and Kazakhs. XVII – XVIII centuries]. Alma-Ata. P. 238. [in Russian]

Morrison, 2011 – *Morrison A.S.* (2011). Russian Rule in Samarkand 1868–1910. A Comparison with British India. N.Y. P. 292.

Musul'manskaya Srednyaya Aziya..., 2004 – *Musul'manskaya Srednyaya Aziya.* Tradicionalizm i XX vek [Muslim Central Asia. Traditionalism and the 20th century]. Moskva, 2004. P. 281. [in Russian]

Poberezhnikov, 2006 – *Poberezhnikov I.V.* (2006). Perehodka ot tradicionnogo k industrial'nomu obshchestvu: teoretiko-metodologicheskie problemy modernizacii. [Transition from traditional to industrial society: theoretical and methodological problems of modernization]. Moskva. P. 237. [in Russian]

Poberezhnikov, 2011 – *Poberezhnikov I.V.* (2011). Frontir'naya modernizaciya v kontekste rossijskoj civilizacii. [Front-line modernization in the context of Russian civilization]. Modernizaciya v civilizacionnom kontekste: rossijskij opyt perekhoda ot tradicionnogo k sovremennomu obshchestvu. Ekaterinburg. Pp. 47-62. [in Russian]

Pravilova, 2006 – *Pravilova E.A.* (2006). Finansy imperii: den'gi i vlast' v politike Rossii na nac. Okrainah, 1801–1917. [Empire Finance: Money and Power in Russian Politics outskirts, 1801–1917]. Moskva. P. 453. [in Russian]

Remnev, 2001 – *Remnev A.V.* (2001). General-gubernatorskaya vlast' v XIX stoletii. K probleme organizacii regional'nogo upravleniya Rossijskoj imperii. [Governor-General in the 19th century. On the problem of organizing regional administration of the Russian Empire]. Evolyuciya administrativnogo ustrojstva i upravleniya v Rossii: istoricheskaya retrospektiva i sovremennost'. Ekaterinburg. Pp. 200-212. [in Russian]

RGIA – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archives]. [in Russian]

Senyavskij, 2008 – *Senyavskij A.S.* (2008). Rossijskij istoricheskij process vo vtoroj polovine XIX–XX vv.: problemy konceptual'nogo osmysleniya. [Russian historical process in the second half of the XIX–XX centuries: problems of conceptual comprehension]. Rossiya mezhdru proshlym i budushchim: istoricheskij opyt nacional'nogo razvitiya. Ekaterinburg. Pp. 594-602. [in Russian]

Shajdurov, Lysenko, 2020 – *Shajdurov V.N., Lysenko Yu.A.* (2020). Neft' Fergany: iz istorii novoj otrasli v konce XIX – nachale XX v. [Fergana oil: from the history of a new industry in the late 19th – early 20th centuries]. *Voprosy istorii.* № 6. Pp 115-129. [in Russian]

Shayakhmetov et al., 2019 – *Shayakhmetov N.U., Mominova G.T., Omirbekova J.M., Maibalaeva A.A.* (2019). Kazakh Steppe as a Historical Geographic Phenomenon in the Works of Russian Scientists of the XVIII century. *Bylye Gody.* Vol. 54. Is. 4. Pp. 1439-1450.

Suvorov, 1962 – *Suvorov V.A.* (1962). Istoriko-ekonomicheskij ocherk razvitiya Turkestana. [Historical and economic sketch of the development of Turkestan]. Tashkent. P. 172. [in Russian]

Tokmurzaev, 2015 – *Tokmurzaev B.S.* (2016). Agrarnaya kolonizaciya Stepnogo kraja v kontekste gosudarstvennoj pereselencheskoj politiki vtoroj poloviny XIX – nachala XX v. [Agrarian colonization of the Steppe region in the context of the state resettlement policy of the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta.* 2015. № 1(33). Pp. 5–8. [in Russian]

Trudy Chastnogo soveshchaniya ..., 1908 – Trudy Chastnogo soveshchaniya, sozannogo 20 maya 1907 goda stepnym general-gubernatorom po voprosam o nuzhdah kirgizov Stepnogo kraja. [Proceedings of a Private Meeting convened on May 20, 1907 by the Steppe Governor-General on the needs of the Kyrgyz of the Steppe Territory]. Omsk. P. 93. [in Russian]

Vyatkin, 1974 – *Vyatkin M.P.* (1974). Social'no-ekonomicheskoe razvitie Srednej Azii. Istoriograficheskij ocherk. [Social and economic development of Central Asia. Historiographic sketch]. Frunze. P. 262. [in Russian]

Zubkov, 2011 – *Zubkov K.I.* (2011). Geopoliticheskaya arena rossijskoj modernizacii XVIII–XX vv. [The geopolitical arena of Russian modernization in the 18th – 20th centuries]. Modernizaciya v civilizacionnom kontekste: rossijskij opyt perekhoda ot tradicionnogo k sovremennomu obshchestvu. Ekaterinburg. Pp. 29-47. [in Russian]

Природно-ресурсный потенциал регионального развития центральноазиатских окраин в планах имперской политической элиты России (вторая половина XIX – начало XX вв.)Юлия Александровна Лысенко ^{a, b, c, *}^a Алтайский государственный университет, Российская Федерация^b Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США^c Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе нормативно-правовых актов и делопроизводственной документации анализируются планы имперской политической элиты в вопросе использования природно-ресурсного потенциала центральноазиатских окраин в пореформенный период. Выявлено, что к 60 гг. XIX в. политическое руководство России оказалось перед необходимостью пересмотра традиционных принципов имперской политики, связанных с удовлетворением исключительно геополитических интересов. В условиях многонациональности страны, цивилизационной и социально-экономической асимметричности этнорегионов, более рациональным признавался переход к решению внутренних задач, направленных на интеграцию и унификацию имперского пространства, повышение рентабельности региональных экономик. Имея объективные представления о природно-ресурсном потенциале Степного края и Туркестана, значительном количестве меднорудных, нефтяных, золотоносных и угольных месторождений, государство пошло по пути использования в период модернизации исключительно земельных пространств и создания зерновых и хлопководческих хозяйств.

Препятствием на пути полномасштабной индустриализации центральноазиатских окраин выступал ряд обстоятельств: фронтирность территории и, как следствие, дилемма центральных и региональных органов власти в вопросе о приоритетности внешней экспансии или внутреннего развития; сложная этноконфессиональная ситуация, связанная с «исламским фактором» и возможностью угроз присутствию России в регионе; искусственное сдерживание имперскими кругами модернизационных процессов для предотвращения роста национальных идеологий; отсутствие у государства и предпринимателей финансовых возможностей для активного инвестирования.

Ключевые слова: Российская империя, Степной край, Туркестан, фронтир, регион, модернизация, промышленность, аграрное производство, переселение.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: iulia_199674@mail.ru (Ю.А. Лысенко)